

УТВЕРЖДАЮ

Ректор ФГБОУ ВО «НГПУ»

А.Д. Герасёв

2020 г.

**ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
федерального государственного образовательного учреждения
высшего образования «Новосибирский государственный
педагогический университет»
на диссертационное исследование Бегичевой Ольги Викторовны на тему
«Романтическая баллада в художественной культуре XIX–XX вв.:
типология и поэтика», представленную на соискание
ученой степени доктора искусствоведения
по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры**

Проведенная научная экспертиза диссертации, автореферата и опубликованных работ Бегичевой Ольги Викторовны дает основание положительно оценить рецензируемое исследование с точки зрения предмета, актуальности темы, степени обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверности и новизны в соответствии с Положением о присуждении ученых степеней, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 (в ред. постановлений Правительства Российской Федерации № 723 от 30.07.2014, № 335 от 21.04.2016, № 748 от 02.08.2016, № 650 от 29.05.2017, № 1024 от 28.08.2017, № 1168 от 01.10.2018; с изм., внесенными Решением Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2014 № АКПИ14-115).

Романтическое искусство, расцвет которого состоялся два века назад, казалось бы, давно стало достоянием истории. Однако, если внимательно рассматривать процессы, происходящие в культуре последующих времён, вплоть до современности, становится очевидным, что вопросы, поставленные первыми романтиками, не только не отошли в прошлое, но, напротив, стали

актуальными не только в искусстве. Можно говорить о возникновении религиозных течений как следствии художественных интенций [см.: Лалуев В.Я., Лесовиченко А.М. Религиозно-художественные особенности сектантских «пророчеств» XIX века (концепции мормонизма, адвентизма, бахаизма) // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения, вып. 24. Новосибирск, 2010. С. 88-97]. Это очевидно в дизайне интерьера и моде одежды, парикмахерском деле и татуаже. Романтические идеи постоянно проступают в кинематографии, особенно, в мультипликации [см.: Лесовиченко А.М., Шефова Е.А. Визуальная интерпретация музыкальных образов в мультфильмах // Электронный научный журнал «Медиамузыка», №9 (2018)]. Пропитана романтизмом компьютерная блогосфера.

Естественно, искусствоведческая мысль не отстывает от постижения романтического наследия, постоянно находя в нём новые интересные ракурсы в представлениях о мире и человеке. В ряду ценных работ о романтическом искусстве стоят исследования Ольги Викторовны Бегичевой, давно и успешно разрабатывающей проблемы баллады и балладности как способа художественного мышления.

Можно констатировать, что обсуждаемая сегодня докторская диссертация является обобщением значимых авторских исследовательских накоплений, широко известных профессионалам (о чём свидетельствует обширный список публикаций) и в то же время концентрированным изложением материала, вносящим новые смыслы в наши представления о романтической балладе.

Диссертация О. В. Бегичевой представляет собой объёмный текст (386 страниц без приложения), состоящий из трёх глав со сложной структурой, обрамлённых введением, заключением и списком литературы. Восемь приложений обеспечивают знакомство с малоизвестными произведениями, которым уделено внимание в исследовании.

Во Введении убедительно обосновывается актуальность обращения к жанру баллады в современной ситуации, сделан анализ существующих

наработок в научной литературе (достаточно обширной), охарактеризованы авторские задачи, их новизна, значимость и т.д.

Глава I «Жанровая поэтика табуированной баллады» состоит из трёх параграфов, каждый из которых, в свою очередь, включает в себя три раздела, где рассматриваются разные аспекты жанра баллады в литературе и их воплощение в музыке. Подобным образом выстроена и Глава II, посвящённая национально-исторической балладе. Глава III «Жанровые метаморфозы баллады» организована иначе. Здесь два параграфа, состоящих из пяти разделов каждый. Внимание автора сосредоточено на проявлении балладности в разных художественных процессах (не только литературы и музыки, но и изобразительного искусства). Предложенная конструкция диссертации соответствует поставленной задаче, даёт возможность рассматривать очень разные вопросы, сопрягая их так, чтобы они не вызывали ощущения искусственного необоснованного сочетания.

Впервые жанр романтической баллады представлен в виде целостной концепции системного эстетического и культурологического обобщения. Важной представляется проблематика, сфокусированная в работе. Действительно, при рассмотрении инфернальных образов «табуированной» баллады закономерным следует считать обращение к категории иррационального страха, описанию «бродячих сюжетов» («приход мёртвого жениха», «брак с мифическим существом», «возмездие»). Уместна и характеристика сюжетных мотивов «любовь-в-смерти» и «судьбы». Можно согласиться и с характеристикой мигрирующих балладно-интонационных комплексов пришельца, возлюбленной и страха.

Национально-исторические баллады тоже рассматриваются правильно. Прежде всего, исходя из описания элементов гердеровского понятия «народный дух». Важным разделом является характеристика сюжетов, актуальных для музыкального искусства – «песнь барда» и «спящий герой», а также экспликация их изоморфов.

Очень интересен выбор и квалифицированно выполненный анализ конкретных произведений, иллюстрирующих теоретические положения.

Бегичева О. В. обращается к широко известным сочинениям Ф. Шуберта, Ф. Шопена, Ф. Листа, Й. Брамса, Э. Грига, Н. А. Римского-Корсакова, А. К. Глазунова, Я. Сибелиуса, Н.Я. Мясковского. Наряду с этим, диссертантка рассматривает произведениям классиков, не относящиеся к числу хрестоматийных, таких как симфоническая баллада П. И. Чайковского «Воевода» или мелодекламация «Баллада о мальчике в степи» Р. Шумана на стихи Ф. Геббеля, оркестровая пьеса «Ламия» Э. Мак-Доуэла, музыкальные картины «Из песен Оссиана» М.М. Ипполитова-Иванова. Кроме того, в работе представлены многочисленные сочинения композиторов, которых не принято считать лидерами в музыкально-историческом процессе (Ф. Пёниц, К. Саариахо, Ч. Стэнфорд, А. Забель, В. Г. Кикта и другие). В ходе исследования контекстуально упомянуты и учтены десятки других сочинений, что является весомым аргументом при построении теоретической модели балладного жанра. Вообще, компетентность диссертантки в этом материале представляется весьма высокой.

Наиболее интересные, хотя, иногда спорные, соображения высказаны по поводу жанровых метаморфоз баллады связанных с нею межжанровых взаимодействий. В частности, в поле интересов исследовательницы попадает некогда популярный жанр мелодрамы. Много ценных наблюдений высказано по поводу адаптации балладных принципов в опере. Ярко и убедительно сделана интерпретация с позиции жанровых особенностей «табуированной» баллады образов оперы «Паяц» Р. Леонкавалло. Достаточно продуктивной представляется попытка рассмотрения разных вариантов сочетания поэмности и балладности в симфонической музыке, а также аллюзий баллады в сочинениях других жанровых пластов.

Особое внимание О. В. Бегичева уделяет пяти произведениям, где при разности сюжетных мотивов, проявляются балладные черты. Обращение к двум из них, основанным на поэтических балладах Э. По и А. С. Пушкина («Ворон» Артура Берга и «Песнь о вещем Олеге» Николая Андреевича Римского-Корсакова) закономерно. Использование при описания указанных произведений ресурсов изобразительного искусства (иллюстрации Г. Доре и

В. М. Васнецова), структурно-драматургическая организация которых базируется на принципах балладной мифопоэтики, значительно обогащает понимание образов музыкальных сочинений. Используя метод культурологического обобщения, включающего искусствоведческий анализ, О. В. Бегичева выстраивает перспективу для изучения балладного жанра как текста культуры.

В трёх других произведениях – «Пиковая дама» П. И. Чайковского, «Прекрасная мельничиха» Ф. Шуберта и «Афоризм» Д. Д. Шостаковича – аллюзии балладного жанра рассмотрены с позиций сюжетно-мотивной, композиционной и драматургической организации вокального, фортепианного циклов и оперы, подтверждая выдвинутый диссертанткой тезис о метажанровых стратегиях романтической баллады. Инновационным представляется обоснование балладной поэтики в небалладных жанрах через реконструкцию жанрового кода. Плодотворной в этом отношении стала попытка рассмотрения «Афоризмов» как «реактуализации» баллады.

Концепция исследования и обширный музыкальный, литературный, изобразительный, общекультурный материал, переработанный исследовательницей, позволяет говорить о том, что в рассматриваемой диссертации сформирован новый подход к осмыслению баллады как феномена культуры романтической эпохи. Автор проявляет себя не только эрудитом и прекрасным аналитиком, но и умелым методологом, сумевшим организовать обширный разноплановый массив явлений в единый комплекс исследовательских обобщений. Безусловно, это серьёзный вклад в развитие искусствоведческого спектра теории культуры.

Практическое использование результатов и выводов, приведенных в диссертации, в том числе в аспекте расширения базы межнаучной интеграции, может быть внедрено в сфере научных, просветительских и учебных мероприятий.

Конечно, такая масштабная работа не может быть свободна от спорных моментов.

1. Не совсем понятно, почему исследовательница избегает общепринятого эстетического понятия «художественный образ», используя вместо него психоаналитический термин «архетип», фактически в том же значении. Как известно, «архетип» вошёл в современную гуманитаристику с лёгкой руки К.-Г. Юнга, который так обозначил структуры психики, используя иногда для объяснения тех или иных позиций ссылки на художественные произведения. При этом очевидно, что он не рассматривал художественные образы как первоисточник своих идей. Сейчас стало модно использовать красивое слово «архетип» для обозначения чего угодно. В сфере IT-технологий его употребляют даже вместо слова «персонаж». Однако это не ориентир, поскольку не относится к области науки. В теории культуры всё-таки лучше бы не отменять классические коннотации, если в этом нет острой необходимости (в отношении образной системы романтического искусства такой необходимости нет точно, потому что термины современной эстетики складывались именно на его основе).

2. При разработке типологии национально-исторической баллады отсутствует разделительная линия между балладой и эпическими жанрами типа былины, саги, рапсодии и т.п. Сюжетные линии здесь часто вполне соотносятся с «табуированными» балладами, но есть ли разница? Кроме того, остаётся не вполне ясным, как относиться к эпическим сочинениям с обобщённой программностью («Фантазия на тему Рябинина» А. С. Аренского, «Про старину» А. К. Лядова или Симфония-олонхо «Аал-луук» В.В. Ксенофонтова). Есть ли принципиальная разница между такими сочинениями и разного рода оркестровыми «Героическими балладами»?

Хотелось бы также задать несколько частных вопросов:

1. Можно ли интерпретировать с позиций балладности другие оперы романтического времени, например, «Трубадур» и «Бал-маскарад» Дж. Верди, «Гамлет» А. Тома, «Сельская честь» П. Масканьи, «Чио-чио-сан» Дж. Пуччини? Думается, в каждом из этих сочинений можно увидеть черты, обозначенные О. В. Бегичевой как балладные.

2. В некоторых случаях, обозначение «баллада» не очень вписывается в типологию, предложенную в рассматриваемой диссертации. Например, «Чась» К. Лёве, «Баллада о мальчике, оставшимся неизвестным» С. С. Прокофьева, «Баллада о красках» Р. И. Рождественского, кинофильм «Баллада о солдате». Прокомментируйте, пожалуйста, это.

В целом не возникает сомнений, что труд О. В. Бегичевой, представленный на обсуждение, является законченной самостоятельной работой. Автореферат отражает содержание диссертации.

Таким образом, диссертационное исследование «Романтическая баллада в художественной культуре XIX–XX вв.: типология и поэтика» является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований решена научная проблема построения теоретической модели жанра романтической баллады и показано ее устойчивое и длительное существование в художественной культуре XIX и XX столетий, что имеет важное теоретическое значение в области теории и истории культуры, соответствует паспорту специальности в части пунктов п. 1.3 Исторические аспекты теории культуры, мировоззренческие и ментальные аспекты теории культуры; 1.9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов; 1.14. Возникновение и развитие современных феноменов культуры; п. 1.17. Компоненты культуры (наука, мораль, мифология, образование, религия, искусство), п. 1.22 Культура и национальный характер, п. 1.28 Культурные контакты и взаимодействие культур народов мира; требованиям пп. 9–11 и 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 (в ред. постановлений Правительства Российской Федерации № 723 от 30.07.2014, № 335 от 21.04.2016, № 748 от 02.08.2016, № 650 от 29.05.2017, № 1024 от 28.08.2017, № 1168 от 01.10.2018; с изм., внесенными Решением Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2014 № АКПИ14-115), а её автор Бегичева Ольга Викторовна заслуживает присуждения ученой степени

доктора искусствоведения по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

Отзыв ведущей организации на диссертацию Бегичевой Ольги Викторовны подготовлен доктором культурологии, профессором А. М. Лесовиченко. Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры народной художественной культуры и музыкального образования протокол № 8 от 08 апреля 2020 г.

Заведующий кафедрой народной художественной культуры и музыкального образования ФГБОУ ВО «НГПУ»

Н.А. Чикунова

«13» апреля 2020 г.

Сведения об ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Новосибирский государственный педагогический университет", адрес: 630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, д. 28, электронная почта: nsru@nsru.ru, тел.: +7 (383) 244-11-61.

